Только у нас

Подпишись на «Ульяновскую правду»

И будь на деловой волне

Дорогие наши читатели!

В почтовых отделениях области продолжается подписка на второе полугодие 2012 года. Не знаем, плакать или смеяться, но стоимость нашего издания с 1 апреля вновь повысилась. Правда, всего на один (!) рубль. Цена подписки «скакнула» исключительно из-за того, что мы с вами будем чаще встречаться - количество выходов во втором полугодии больше, чем в прошлом.

Спешите подписаться на любимое издание.

Индексы	Наименование издания	Стоимость подписки			
		1 месяц	6 месяцев	абонентский ящик	
				1 месяц	6 месяцев
31780	«Ульяновская правда»-толст. (вторник)	37,43	224,58	35,64	213,84
54470	«Ульяновская правда» 3-разовый выпуск	149,52	897,12	143,86	863,16

Гончаров. Поиски и находки

(Продолжение. Начало в «УП» № 10 от 31 января, № 25 от 13 марта, № 34 от 3 апреля, № 37 от 10 апреля, № 40 от 17 апреля, № 42 от 24 апреля, № 48 от 15 мая, № 51 от 22 мая)

Жорес Трофимов

Что касается представленного профессором языковского двухтомника, то он заслуживал, безусловно, одобрения. Ведь в первом томе с помощью Александра Михайловича, любимого брата замечательного поэта, впервые были собраны высказывания о нём Н. Надеждина, В. Белинского, М. Погодина, С. Шевырёва, Н. Гоголя, П. Вяземского, А. Галахова, Кс. Полевого, а также посвящённые ему стихотворные послания А. Дельвига, А. Пушкина, Е. Баратынского. А во втором томе были помещены все творения поэта, напечатанные им в изданиях 1833, 1844 и 1845 годов, а также рукописные стихотворения Николая Михайловича, сохранившиеся в архиве его родных. Если учесть, что Гончаров с юности был поклонником поэзии Николая Языкова, то от чтения двухтомника он получил немалое удовольствие. Кстати, один из экземпляров этого издания 1858 года, где цензором значится И. Гончаров, имеется в Ульяновской областной научной библиотеке имени В.И. Ленина.

Через три дня после одобрения языковского двухтомника к печати Иван Александрович выслал в Симбирск брату Николаю официальную доверенность на продажу кирпичного двухэтажного отчего дома в центре Симбирска, а в письме упрекнул его за удешевлённую продажу сада. Имелся в виду сад, взращенный предками на склоне волжской полугоры (начинался сад у здания нынешней филармонии и спускался до нижней волжской набережной).

29 мая романист получил заграничный паспорт, а 7 июня выехал в почтовой карете на запад, через Динанбург (Двинск) на Варшаву, куда и прибыл вечером 12 июня. Из письма Ивана Александровича к своему другу Ивану Льховскому от 13 числа видно, что 17-20 числа он находился в Дрездене, где встретился с Николаем Некрасовым и Авдотьей Панаевой, а в конце месяца прибыл в Мариенбад. Этот европейски известный курорт расположен на юге Германии, в Богемии, посреди живописной, к югу открытой котловины, окружённой холмами, покрытыми сосновым лесом. Бьющие в Мариенбаде семь целебных серно-кисло-щелочных источников используются больными и отдыхающими для питья и ванн. Считалось, что воды этих источников помогают пациентам, страдающим «тучностью, приливами крови к голове и груди, ревматизмом и хроническим катаром дыхательных органов».

Первая неделя пребывания Гончарова в Мариенбаде ушла на обустройство с жильём, на консультации с врачами, на выбор питьевых и ванных галерей, знакомства с соседями по отелю и кафе. Когда же рутинные для новичка-курортника хлопоты остались позади, наступил и первый приступ скуки... Но, взяв себя в руки, Иван Александрович развернул рукопись «Обломова», и неожиданно даже для него первая часть романа стала быстро пополняться новыми страницами. В письме к Ивану Льховскому от 15 июля он уже в игривом тоне вопрошает его: «...узнайте, что я занят... не ошибётесь, если скажете женщиной: да, ей: нужды нет, что мне 45 лет, а сильно занят Ольгой Ильинской (только не графиней). Едва выпью свои три кружки и избегаю весь Мариенбад с 6 до 9 часов, едва мимоходом напьюсь чаю, как беру сигару - и к ней: сижу в её комнате, иду в парк, забираюсь в уединённые аллеи, не надышусь, не нагляжусь. У меня есть соперник: он хотя и моложе меня, но

Ю.Д. Ефремова была искренне благодарна писателю за участие в её судьбе

30 января: «Кругом я обложен корректурами, которые так и тянут все здоровые соки и взамен дают геморрой. А Вы-таки не можете не читать «Обломова»: что бы подождать до апреля! Тогда бы зорким оком обозрели всё разом и излили бы на меня - или яд, или мёд - смотря по заслугам... Я всё непокоен, пока не кончится последняя часть в апреле, только тогда вздохну свободно, а вчера ещё сдал всего вторую часть в печать: теперь её оттискивают. Неожиданно выходит вместо 3-х четыре части, несмотря на убористый шрифт «Отечественных записок»[18].

В процессе цензорской работы Иван Александрович вольно или невольно допускал к печати то, что не нравилось консерваторам. Так, 31 января некий чиновник подал Евграфу Петровичу Ковалевскому, геологу и этнографу по специальности, назначенному весной прошлого года министром народного просвещения, рапорт, в котором указывалось на неблагонадёжность анонимной статьи «Пожертвования городских обществ» и стихотворения М. Розенгейма «Весна», пропущенных цензором Гончаровым в № 1 «Отечественных записок» (то есть по соседству с первой частью «Обломова»).

Министр, как и следовало ожидать, предложил председателю цензурного комитета сделать замечания Гончарову. Иван Александрович узнал об этом взыскании 12 февраля, а через два дня вышел очередной номер «Отечественных записок» с публикацией второй части «Обломова». И тот же министр Евграф Ковалевский, кстати, почётный член Петербургской академии, в рапорте Александру II от 25 числа отозвался о первых двух частях романа «Обломов» как о произведении, выходящем «из ряда обыкновенных явлений беллетристики». «Достоинства сочинения заключаются в художественном изложении и глубокой разработке подробностей, составляющих отличительную черту замечательного таланта г. Гончарова»[19].

Казалось, что теперь бы жить и радоваться, ибо рождение самого главного романа завершается благополучно. Однако треволнения последнего времени сказались на здоровье и самочувствии романиста, и 6 марта он идёт к знакомому уже лейб-медику Дмитрию Фёдоровичу Обломиевскому (с фамилией, удивительно созвучной названию романа его пациента), чтобы снова получить свидетельство о состоянии здоровья, не-

[18] *Голос минувшего. Пгд., 1923, № 2. С. 171.*
[19] *Алексеев А. Д. Летопись жизни и творчества И.А. Гончарова. С. 91.*

я дохнул свежим воздухом, я написал книгу! Нет, хотят, чтоб человек пилил дрова, носил воду да ещё романы сочинял, романы, то есть где не только нужен труд умственный, соображения, но и поэзия, участие фантазии!»[3].

В письме к Ивану Льховскому от 2 августа, зная, что он прочёл его послание к Юнии Ефремовой, романист подчеркнул, что «пишет как будто по диктовке» и ему «ещё недели три пристальной работы осталось до окончания Обломова. Локти уже давно на сцене. Поэма изящной любви кончена вся... Действие уже происходит на Выборгской стороне: надо изобразить эту выборгскую Обломовку, последнюю любовь героя и тщетные усилия друга разбудить»[4]. И, словно стараясь помочь любителям разгадывать, кто же именно послужил прототипами героев «Обломова», заявил, что ему не приходили в голову «ни Елизавета Васильевна, ни А.А. (Колзакова, родственница Языковых. - **Ж.Т.**) - решительно никто, да и ни в одном из действующих лиц тоже»[5].

И.А. Гончаров

Четвёртого августа Иван Александрович завершил своё пребывание в Мариенбаде и отправился во Франкфурт, затем в Майнц, а оттуда совершил великолепную прогулку по Рейну, до Кёльна. Сделав там остановку, он полюбовался и знаменитым величественным собором, и другими достопримечательностями. Вечером 16 числа романист поездом прибыл в Париж, где, по его словам, «объехал и обегал» разные части Великого города, «чуть не влез на колокола Собора Парижской богоматери», осмотрел Ботанический сад, посетил Лувр, где с полчаса в удивлении просидел перед Венерой Милосской. Посетил Елисейские поля и несколько театров, «делал вёрст по семи в одну прогулку», заходил на рынки и в лавочки. В течение двух дней Иван Александрович читал главы «Обломова» Ивану Тургеневу, Афанасию Фету и Василию Боткину. Живее всех реагировал на чтение Иван Сергеевич, который в наиболее понравившихся ему местах заключал автора в свои широкие объятия.

После более чем трёхнедельного пребывания в Париже Иван Александрович отправился в Дрезден, где имелась знаменитая галерея и уникальные музеи. Но и здесь его не покидали думы об «Обломове». В письмо к Ю.Д. Ефремовой от 11 сентября вкрались и минорные нотки: «С этим романом я жил ещё в молодости, десять лет тому назад... Да, я скажу прямо, без жеманства, что роман далеко не так хорош, как можно было ждать от меня после прежних трудов. Он холоден, вял и сильно отзывается задачей. Может быть, если б я имел полгода свободы для выработок, то мог бы ещё сделать получше, а теперь придётся скомкать как-нибудь»[6]. Сообщив о намерении приобрести фотокопии картины «Мадонны» Рафаэля, он заметил: «Я от неё без ума; думал, что во второй раз увижу равнодушно; нет, это говорящая картина, и не картина, это что-то живое и страшное. Всё прочее бледно и мертво перед ней»[7]. Возвратившись 8 октября из зарубежного отпуска в Петербург, Иван Александрович вернулся и к исполнению цензорской службы, благо что нагрузка осенью всегда была меньшей, чем, скажем, в декабре, когда, перед новогодней подпиской, поступали корректуры знаковых произведений. Пользуясь этой благоприятной обстановкой, он принялся за обработку рукописи «Обломова». И мог ли Гончаров подумать, что Аполлон Майков, чью рукопись первой книги стихотворений он одобрил к печати 29 октября, ровно через месяц будет рекомендовать именно его В.П. Титову и П.А. Плетнёву в качестве преподавателя наследнику императора русского языка и словесности? Ссылаясь на занятость, старость и дилетантизм, он отказывался от этой должности, но 21 декабря определение на неё всё-таки состоялось.

[3] *Там же. С. 239.*
[4] *Там же. С. 340.*
[5] *Там же. С. 244.*
[6] *Гончаров И.А. Собр. соч. в 8 томах. Т. 8. С. 304.*
[7] *Алексеев А.Д. Летопись жизни и творчества И.А. Гончарова. С. 78.*